

Качук Н.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

"Горачий". Именно так, с характерным белорусским акцентом, звали в годы войны летчика-истребителя Григория Дольникова его боевые товарищи.

Есть такое выражение – человек-легенда. Григорий Устинович соответствует ему как никто другой. Нелегкой долей одарила Дольникова судьба, проведя через тяжелейшие испытания, которые он с честью и достоинством выдержал: жестокие воздушные бои, ранение, плен, побег из лагеря, партизанский отряд и снова яростные схватки с асами люфтваффе. А после войны многолетнее унижение недоверием и... Золотая Звезда Героя, нашедшая "Горачего" через 33 года... Его сила духа, любовь и преданность Родине нашли воплощение в образе главного героя шолоховского рассказа и одноименного фильма "Судьба человека" — Андрея Соколова. Соколов – под такой фамилией Дольников числился в фашистском концлагере и воевал в партизанском отряде.

Сегодня белорусы редко вспоминают своего легендарного земляка, уроженца деревни Сахаровка Горецкого района Героя Советского Союза генерал-полковника авиации Григория Дольникова. Его имя не забыто, нет – оно упоминается почти во всех белорусских энциклопедиях и справочниках, в том числе и в изданной в 2010 году увесистой многостраничной "Военной энциклопедии". Но в них, увы, не говорится о том, что Григорий Устинович стал ПЕРВЫМ белорусом, удостоенным самого почитаемого в авиации звания – "Заслуженный военный летчик СССР". Забыто, что у него за плечами три войны. Кроме Великой Отечественной, он дважды исполнял интернациональный долг в Египте и Эфиопии. Мало кто знает и о летных рекордах Григория Устиновича, а они тоже впечатляют: четыре тысячи (!) часов налета и около 40 (!) освоенных типов самолетов и вертолетов! А кто из авиаторов–белорусов прошел все летные ступеньки – от летчика до заместителя Главнокомандующего ВВС, не перескочив ни через одну из них?

Командуя звеном, эскадрильей, полком, дивизией, корпусом, воздушной армией, он оставался все тем же "Горачим" – любимым многими поколениями советских авиаторов летчиком-истребителем, который находился в строю 47 (!) лет – с апреля 1940 по июль 1987 года!

К сожалению, о многом из своей славной биографии кандидат исторических наук Григорий Устинович Дольников рассказать не

успел, подверглась строгой и безжалостной цензуре и его книга "Летит стальная эскадрилья".

8 мая нынешнего года у него был бы юбилей – 90 лет со дня рождения. В том, что родился наш выдающийся соотечественник накануне великого праздника – Дня Победы, я вижу особую закономерность и торжественность. Дольников – достойный представитель советского народа–победителя, настоящий символ великой и жертвенной Победы.

"И ПОСЛЕ ТРЕТЬЕЙ – НЕ ЗАКУСЫВАЮ"

Этот эпизод из фильма "Судьба человека", потрясающе сыгранный Сергеем Бондарчуком, принес Григорию Дольникову поистине мировую, и я этому свидетель, известность. В 1992 году с 50-летием нашу 1-ю гвардейскую Сталинградскую авиадивизию прилетели поздравить... немцы. Во время праздничного застолья наш заслуженный ветеран, летчик-штурмовик Валентин Будников, достойно перенесший в годы войны ужасы фашистского плена, предложил одному из "гансов" посоревноваться – выпить три стакана водки не закусывая. Немец отчаянно замотал головой, дескать, это могут только русские, он это видел в кино: "Рус зольдат Соколофф... " Будников выпил и сказал, как к стене пригвоздил: "Вот поэтому мы вас и победили! "

Если даже для немцев поступок военнопленного Соколова – подвиг, то что говорить о советских людях, с их особым отношением к культуре питания, у которых проверка крепости духа стаканом водки чуть ли не традиция. Эту проверку герой Михаила Шолохова проходит с честью: "...взял стакан и в два глотка вылил в себя, а закуски не тронул... Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться их подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались".

Образ Андрея Соколова собирательный, но этот эпизод, как и фамилию героя, Шолохов взял из биографии Дольникова. После выхода фильма "Судьба человека" на всех встречах-банкетах, как с улыбкой вспоминал малопьющий Григорий Устинович, ему приходилось туго, со всех сторон так и гремело: «До третьей закусь ему – не давать!» На долгие годы, доставляя немалые неудобства, это стало своего рода его визитной карточкой.

Григорий Устинович большой души был человек – скольким ребятам он помог утвердиться в жизни, обрести небо и стать летчиками! Не набравшие баллов, случайно срезавшиеся на медкомиссии, на кроссе, своевременно не получившие вызов, не вписавшиеся в возрастные ограничения, но бредившие небом ребята знали – нужно обращаться к генералу Дольникову, он поможет. Шесть лет, будучи замом главкома ВВС по вузам, он был их волшебной

палочкой-выручалочкой. А сколько по молодости проштрафившихся и подлежащих "списанию на землю" курсантов, узнав, что в училище, на их счастье, прилетел Дольников, шли к нему понутив голову с последней надеждой? Он был строг, но справедлив. Не любил рубить сплеча и, спустив для порядка с "челобитчика" стружку, жал ему руку и давал еще один шанс. С особой любовью он относился к курсантам-белорусам, которые искренне гордились своим генералом, который и "после третьей не закусывает".

Больших начальников в армии обычно сторонятся – от греха подальше, а к генерал-полковнику Дольникову все буквально льнули. А ведь с виду он был довольно грозен – мужественное лицо с густыми брежневскими бровями, высокая крепкая фигура, резкие, порывистые движения. Но выдавали глаза – умные, искрящиеся добротой и искренностью. Политработники, не скрывая, завидовали умению Дольникова тепло и задушевно общаться с людьми, с полуслова понимать и воспринимать их проблемы, боли и печали.

А сколько добрых воспоминаний о нем осталось у слушателей Военно-воздушной академии имени Гагарина, где он был заместителем начальника академии по учебной и научной работе. Той самой академии, даже на порог которой после войны его не пускали, не пускали как бывшего военнопленного... Не одобряя пресловутый "конкурс личных дел", он старался по возможности оценить реальные качества будущего слушателя академии. По своему, увы, горькому опыту генерал Дольников знал: одна негативная характеристика предвзятого начальника, одна отрицательная запись в личном деле может сломать судьбу человека. Личная Судьба, Судьба человека фронтового поколения научила его многому.

ОТ МАТЕРИНСКИХ ОКОН

Символично, что его родная Сахаровка, где он родился в 1923 году (кстати, во всех фронтовых документах у него другой год рождения – 1921-й), входит в состав Добринского сельсовета с центром в деревне Добрая, что у реки Добрянка в Горецком районе.

И добра, и горя выпало на долю Дольникова с избытком, да и у края могил не раз пришлось постоять. Он рано лишился отца и сестры, рано познал тяжкий крестьянский труд, рано ему довелось покинуть родную хату и пойти в люди.

После неудачной попытки поступить в Витебский кинотехникум (знаний, полученных в Панкратовской семилетке, увы, не хватило) не знал, куда и податься. Безднадега – хоть криком кричи. Выход нашел там, где и не ожидал. На странице газеты "Чырвоная змена" бросилось в глаза объявление: "Минская школа ФЗО Западной железной дороги объявляет набор учеников в слесарный цех со сроком обучения 1 год". Стипендия – 48 рублей, интернат, льготы железнодорожника! Витебск он покидал без сожаления.

В здании бывшего вокзала на Товарной станции Минска, где тогда размещалась школа, его встретили радушно. С 1 октября 1937 года начались занятия, началась новая жизнь Григория Дольникова. Затем будет Минский вагоноремонтный завод имени Мясникова, где в пассажирском цехе будет слесарничать, ремонтируя вагоны, смешленный и трудолюбивый Гришка. Директор завода грозный Константин Константинович Ромашка не раз ставил в пример передового вскоре возглавившего комсомольско-молодежную бригаду работника. И категорически не хотел отпускать Григория в летную школу. Но окончившего без отрыва от производства Минский аэроклуб Дольникова было уже не удержать. А ведь он мог и не стать летчиком, если бы не настойчивость его первого летного учителя – Анны Семеновны Чекуновой. Ему очень повезло: воспитанница Минского аэроклуба Чекунова считалась одним из лучших летчиков-инструкторов, пользовалась огромным авторитетом и не случайно именно ей было доверено приветствовать от имени всех летчиков Белоруссии пилота Героя Советского Союза Владимира Коккинаки и штурмана Михаила Гордиенко, совершивших в 1939 году беспосадочный сверхдальний перелет по маршруту Москва – Северная Америка.

Дольников раз за разом проваливал завершающий, один из самых ответственных этапов полета – посадку. Причина – неправильное распределение внимания и неумение смотреть на землю. Ну не получался у него, хоть плачь, неотрывный скользящий взгляд на посадочную полосу, а значит, и правильный расчет на посадку. Сколько курсантов было отчислено и навсегда распрощалось с мечтой о летной профессии по этой, казалось бы, банальной причине. И если бы не железные нервы и настойчивость Чекуновой и, как вспоминал впоследствии Дольников, его воистину муравьиные терпение и трудолюбие, то в 1939 году на аэродроме под Минском могла закончиться, так и не начавшись, летная биография будущего заслуженного военного летчика СССР. Вот почему он впоследствии так придирчиво и тщательно проверял отчисления курсантов по летной неуспеваемости. Так же, он это хорошо помнил, поступали начальник Минского аэроклуба Монус Клубман и командир его летного отряда Игнатий Обоянц. Если был хотя бы малейший шанс, Дольников старался предоставить его юноше-неудачнику. Кстати, из-за проблем с посадкой едва не отчислили из летного училища и Юру Гагарина – будущего первого космонавта планеты Земля.

ЖАРКОЕ НЕБО ВОЙНЫ

В апреле 1940 года вчерашний учлет Минского аэроклуба Дольников стал курсантом Батайской военной авиационной школы пилотов имени А.Серова. По причине, начавшейся через год войны обучение в школе, которую эвакуировали в азербайджанский Евлах,

затянулось до января 1943 года. Но и это было еще не все. С мизерным налетом – бензина в школе не хватало – сержанту Дольникову еще пришлось поколесить по запасным и тыловым полкам. Радовало одно: доверили осваивать новый самолет, который, чтобы о нем сегодня ни говорили, был мечтой летчика, – американский цельнометаллический истребитель Белл Р-39 "Аэрокобра". Он имел отличный прицел и сокрушительное, несравнимое ни с одним советским истребителем вооружение: 37-мм пушку, два синхронных крупнокалиберных 12,7-мм пулемета и еще – в зависимости от модификации – четыре 7,62-мм или два 12,7-мм крыльевых пулемета! Мощный и экономичный с электростартером двигатель обеспечивал высокую скорость, маневренность, дальность и продолжительность полета. Особый восторг вызывала удобная, с прекрасным обзором, хорошо бронированная и отапливаемая (невиданная роскошь!) кабина с боковыми автомобильными автоматически сбрасываемыми при аварии дверцами. Летчику для боя были созданы все условия: надежная с большой дальностью действия радиостанция, имевшая даже телеграфный ключ, полный набор самых современных приборов, включая не применявшийся на советских истребителях авиагоризонт.

Не забыли даже о таких "мелочах", как держатели для карты, карандаш и столь необходимый в длительном полете (а с подвесными баками это почти 6 часов) писсуар, который в советской истребительной авиации появился лишь через сорок лет – в 80-х годах минувшего столетия на МиГ-31...

Ну а главное отличие "аэрокобры" от советских самолетов – это носовая стойка шасси, которая делала самолет не только более устойчивым на полосе, но и значительно облегчала взлет, посадку и, что особенно важно, руление по аэродрому. Сколько авиаторов погибло под винтами наших истребителей с хвостовым колесом из-за крайне ограниченного обзора из кабины – при "слепом" рулении...

Вот на таком чудо-самолете и посчастливилось воевать Григорию Дольникову. В угоду политической конъюнктуре многие годы вклад "беллочек", как любовно звали "аэрокобру" летчики, в нашу победу необоснованно принижался. Но против фактов, что называется, не попрешь. Американцы поставили советским ВВС по ленд-лизу, то есть бесплатно, 4.924 истребителя Р-39 "Аэрокобра". Кстати, каждый из них стоил в среднем 70 тысяч тех еще американских долларов. По моим подсчетам, на "кобрах" летали 468 летчиков-асов, сбивших 5 и более немецких самолетов, из них 135 стали Героями Советского Союза. Среди 24 летчиков-истребителей, удостоенных двух Золотых Звезд, 10 воевали на Р-39. В десятке самых результативных советских асов "американцев" четверо, среди пяти истребительных полков, сбивших наибольшее количество самолетов, два летали на "беллочках". 25 гвардейских полков на Р-39 крошили в лапшу немецких асов!

В списке асов "американцев" известные сталинские соколы: Речкалов – 65 сбитых самолетов, Гулаев – 60, Глинка – 50, Камозин – 49,

Клубов – 47, Архипенко – 46, Бабак – 40... И, наконец, самую результативную 9-ю гвардейскую истребительную дивизию прославленного аса (59 сбитых!) трижды Героя Советского Союза полковника Александра Покрышкина так и не удалось даже в пропагандистских целях пересадить на Яки или "Лавочкины".

В 100-й гвардейский полк 9-й гвардейской дивизии вместе со своим земляком и одноклассником по Минскому аэроклубу Петром Гучком и прибыл в конце июня 1943 года старший сержант Григорий Дольников. Уже первый день принес приятную новость: им присвоили звание гвардии младших лейтенантов, что, кроме гордости и почета, имело и материальную составляющую – гвардейцы получали повышенный, полуторный оклад денежного содержания.

По молодости взрывной, резкий, зачастую излишне эмоциональный, разговаривавший с характерным белорусским акцентом Григорий получил у острых на язык летчиков кличку, ставшую его позывным, – "Горачий". Свое место в боевом строю прославленного полка Дольников нашел очень быстро. И немудрено, ведь в наставниках у него были настоящие асы, мастера воздушного боя Герои Советского Союза Дмитрий и Борис Глинки, Иван Бабак, Николай Лавицкий, сбросившие с неба лучших немецких асов во время грандиозного сражения на Кубани.

18 августа 1943 года в День Воздушного флота на борту у Р-39 "Горачего" появилась первая звездочка: меткий огонь его "аэрокобры" навечно приземлил немецкий Ме-109. Через десять дней в паре с гвардии младшим лейтенантом Сопьяном он сбил бомбардировщик Ю-88. 31 августа уничтожил еще одного "мессера", но и сам был сбит. Выбросился с парашютом удачно и приземлился, слава богу, на нашей территории. А вот 30 сентября ему не повезло.

В сохранившихся архивных документах 100-го гвардейского полка есть запись: "Летчик 100 гв. иап 9 гв. иад гв. мл. лейтенант Дольников Г.У. 30.09.43 г. при выполнении боевого задания на самолете "аэрокобра" на прикрытие наземных войск в районе Пришиб-Нейдорф не вернулся с боевого задания". Это был его 56-й, ставший роковым, боевой вылет.

Не имея никаких известий о его судьбе, 25 ноября 1943 года Дольникова исключили из списков Красной Армии как без вести пропавшего. Матери Григория Анне Ефимовне о случившейся с ним беде не сообщили – она проживала на оккупированной немцами территории.

ИСПЫТАНИЕ ПЛЕНОМ

Каждый раз, поднимаясь вместе с боевым товарищем в небо, он знал, что кому-то из них суждено не вернуться на родной аэродром. Если сегодня ты остался жив, то завтра может прийти твоя очередь. Война есть война, и жертвы, увы, неизбежны. К этому не то чтобы

привыкли – стерпелись... Только одно, обдавая неприятным холодом, беспокоило и тревожило сердце – мысль о плене. Каждый надеялся, что сия горькая чаша его минет, для чего и в пистолет заряжали на один патрон больше – прямо в ствол, чтобы успеть – не перезаряжая – в критический момент застрелиться. Главное – не попасть в лапы к врагу. Воздушные бои чаще всего приходилось вести над вражеской территорией, и шансы на благополучный исход и спасение, если приходилось покидать подбитый самолет с парашютом, были весьма призрачны.

Четверг, 30 сентября 1943 года навсегда останется в памяти Григория Дольникова. Эта дата, словно водораздел, поделит его жизнь на две части – до и после. Покинув горящую "кобру", он оказался во власти ветра, который нес его на парашюте прямо на немецкие позиции. Как ни старался, удар о землю получился непривычно жестким и болезненным. Почему, понял позже: правая нога еще в самолете была посечена осколками немецкого снаряда, и рваные раны кровоточили. Быстро выбраться из-под купола парашюта и освободиться от опутавших руки и ноги строп не удалось. Едва поднялся – посыпались тумачи от набежавших немецких солдат. Крепкий деревенский парень, привычный к кулачному бою, пытался обороняться, да где там...

Потом был допрос и ставшая благодаря писателю Михаилу Шолохову и артисту Сергею Бондарчуку настоящим символом нестигаемого мужества и стойкости советского солдата сцена маленькой, но невероятно значимой и понятной нам всем победы Андрея Соколова над гестаповцами. Силу эмоционального воздействия этой сцены на читателей и зрителей можно сравнить разве что с взвившимся над рейхстагом Красным знаменем.

Едва Дольников-Соколов попал в специальный лагерь для пленных советских летчиков, как, не теряя времени, начал готовиться к побегу. Сделать это было нелегко – мешала не только охрана, но и гестаповские прихвостни-осведомители. На его беду в рану на ноге попала грязь – началась гангрена. Немцы хотя и посматривали на Григория с подозрением (кареглазый, с густыми бровями и черными, как смоль волосами) – уж не еврей ли, – видимо, имели на него какие-то виды, потому как не пристрелили, а отправили в город Вознесенск, где сделали операцию, которая спасла ему не только ногу, но и жизнь.

Медленно тянулось полное лишений и страданий лагерное житие, одна за одной провалились три попытки побега. Подходила к концу осень, новым местом дислокации пленников стал большой колхозный амбар в деревне Мартыновка. Здесь им наконец-то повезло – на них вышли подпольщицы, которые имели связь с партизанами.

Бежать решили в ночь на 3 декабря. Наиболее рослые Дольников и летчик-штурмовик Николай Мусиенко вызвались убрать немецкого часового. На этот раз все прошло удачно, но спастись удалось только семерым пилотам. Трех, рискуя своей семьей, спрятал

железнодорожник – путевого обходчик Степан Чернобай. Командир крылатой лодки – морского бомбардировщика МБР-2 лейтенант Василий Скробов, летчик-истребитель младший лейтенант Михаил Смертин и Григорий Дольников до конца своих дней будут помнить Степана Петровича, спасшего их от верной гибели. Особенно теплые отношения сложились у Чернобая с бывшим железнодорожником Дольниковым: они понимали друг друга с полуслова. Много лет уже после войны посылал Григорий своему спасителю денежные переводы, помогая встать на ноги ему и его семье.

Местные девушки-патриотки со временем переправят тройку беглецов в партизанский отряд "Родина", где Соколов (Дольников под этой фамилией значился и здесь) и его товарищи будут сражаться с фашистами. 29 марта 1944 года их партизанский отряд ударил немцам в спину и помог наступающей Красной Армии освободить поселок Веселиново в Одесской области. Легко представить радость летчиков – закончилась их нелегкая лагерно-партизанская одиссея. Они и представить себе не могли, что она затянется для них на многие, многие годы. В личном деле как бельмо в глазу появится черная метка: был в плену.

В РОДНОМ ПОЛКУ

Заросший, бородатый, в телогрейке и рваных сапогах 20 апреля 1944 года Гриша Дольников добрался до своего 100-го гвардейского истребительного полка... Вспоминая о тех днях уже после войны, он рассказывал: "Встретили по-разному: друзья обрадовались, но были и такие, которые отказались со мной летать".

Началась проверка. В спецлагерь его не отправили, потому как заступились командиры 9-й гвардейской дивизии: сначала полковник Дзусов, затем – Покрышкин. Свое отношение к бывшим пленным Покрышкин, вызывая раздражение у политруков и особистов, не скрывал: "По обстоятельствам боевой жизни на войне можно оказаться в плену, но не стать пленником. Для настоящего патриота плен – это только эпизод в его борьбе за свободу своей Родины".

Повезло, что бежал Дольников из плена не один – нашли и допросили всех семерых. Никакого компромата на Григория так и не накопили, но от полетов все равно отстранили. Начальник особого отдела 100-го полка гвардии капитан Реутин прошел с этой частью всю войну, знал каждого летчика и особых претензий к Дольникову вроде бы не имел. В спокойной обстановке прошла беседа и с начальником особого отдела дивизии майором Волобуевым. Правда, в конце разговора он все же уколол: "Странно, что все твои товарищи в плену были под своими фамилиями, а ты почему-то назвался Соколовым. Настораживает и то, что немцы сделали тебе операцию и спасли от смерти – легче ведь было пристрелить?"

Пристрелить оно, конечно, легче... И неизвестно, как бы пошло дело дальше, если бы не командир партизанского отряда Шевченко, приславший блестящую характеристику на члена подпольного комитета, начальника вооружения отряда Соколова (Дольникова): "...оказывал всестороннюю помощь в деле выполнения задач по уничтожению живой силы, техники и коммуникаций противника..., повседневно вел массово-разъяснительную работу среди народа, вовлекая лучших сынов на борьбу с немецкими оккупантами..."

Он снова занял свое место в боевом строю родной 1-й эскадрильи 100-го гвардейского полка. Лишь одно жгло горечью сердце: пришлось повторно вступать в партию. Карточку кандидата в члены ВКП(б), уникальный случай, он спрятал под стелькой сапога и сохранил, но по инструкции Главпура все попавшие в плен офицеры из партии исключались. Ситуация – глупее не придумаешь! Казалось бы, вот оно – подтверждение преданности человека партии: потертый, мятый, но не утерянный и не попавший в руки к врагу партийный документ! Понимая абсурдность и дикую нелепость происходящего, полковой партийный "вожак", пряча глаза, объяснил причину исключения Дольникова из партии тем, что он... более полугода не платил взносы!

28 мая 1944-го Григорий Дольников совершил первый боевой вылет после того, как вернулся из плена. Летал вместе со своим другом, земляком Петей Гучком. Беда, случившаяся с Григорием, сблизила их, и теперь они были всегда вместе – не разлей вода. 31 мая в группе штурмана полка гвардии майора Петрова он вылетает на прикрытие наземных войск и сбивает ненавистного "худого" – Ме-109. В июне его как прорвало, жажда мести помогала творить чудеса: от меткого огня его "аэрокобры" разлетелись на куски три "худых" и один "лапотник" – пикирующий бомбардировщик Ю-87. За три дня – четыре сбитых!

В июле – августе он отправляет на вечный покой еще двух "лапотников" и "худого". В одном из боев он выходит победителем в схватке с 42 (!) немецкими самолетами. 8 сбитых – это был его ответ сомневающимся и сторонившимся, не верившим и за глаза осуждавшим, допрашивавшим и доносившим...

Буквально на глазах Григорий становится одним из лучших воздушных бойцов полка. Его награждают орденом Красного Знамени, присваивают звание лейтенанта, назначают заместителем командира – штурманом эскадрильи. В победном сорок пятом Дольников сбивает еще 5 немецких самолетов: 2 ФВ-190, 2 Ме-109, 1 ФВ-189.

Действовавшее тогда Положение о наградах за 16 сбитых самолетов, 160 боевых вылетов и 42 успешных воздушных боя давало основание представить Григория к званию Героя Советского Союза, но... плен есть плен и, несмотря ни на что, об этом факте биографии ему забывать не давали. Не получили заслуженных Золотых Звезд и бежавшие вместе с ним из лагеря летчики Скробов и Мусиенко. Командир звена 7-го гвардейского штурмового авиаполка гвардии лейтенант Николай Мусиенко к концу войны совершил на Ил-2 113

боевых вылетов (норма для Героя – 100 вылетов), а заместитель командира эскадрильи гвардии капитан Василий Скробов 182 (!) вылета на торпедоносце Ил-4, потопив при этом 5 (!) немецких транспортов. Им еще много лет после войны "истинные патриоты" будут бросать в лицо: "Почему попал в плен, а не застрелился? Струсил?" А кто бы тогда воевал, кто свернул бы шею Гитлеру, если бы все угодившие в плен застрелились?

В самом конце войны Григорию Дольникову пришлось дважды пережить нестерпимую горечь утраты. 16 марта 1945 года сбили Ивана Бабака – человека, который протянул руку Григорию в те тяжелые дни, когда другие от него отвернулись. Бабак поддержал Дольникова и при повторном приеме в партию. 13 февраля трижды Герой Советского Союза Покрышкин назначил 25-летнего старшего лейтенанта Бабака, которого он считал самым талантливым и перспективным летчиком дивизии, командиром "своего" 16-го гвардейского авиаполка с одновременным присвоением звания капитана. Перед уходом из 100-го полка Бабак передал гвардии лейтенанту Дольникову свой знаменитый, именной, подаренный ему за собранные деньги школьниками города Мариуполя, истребитель Р-39N "аэрокобра" номер 01. Получив известие о гибели друга, Григорий попросил полкового художника старшего техника по радио Василия Ковальчука написать на левом борту истребителя: "За Ваню Бабака".

18 апреля еще одна трагедия. Из боевого вылета не вернулся Петя Гучек, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. 21 сбитый немецкий самолет был на его счету. Похоронив в чужой польской земле ставшего ему настоящим братом Петра, Григорий написал письмо его маме Ольге Леонтьевне: "Если вы не против – считайте меня своим сыном..." В этом поступке – весь Дольников! На борту его самолета, теперь уже на правом, появилась еще одна надпись: "За Петю Гучка". Такие художества в среде осторожных летчиков не приветствовались. Считалось, что они привлекают внимание немецких асов, которые стремятся в первую очередь сбить "расписной" самолет. На что Дольников отвечал: "А пусть попробуют!"

4 мая 1945 года вместе с летчиками полка он побывал в поверженном Берлине и расписался на колонне ненавистного рейхстага. Через четыре дня громко, с салютом отпраздновал свое 22-летие и весть о капитуляции Германии! А как он радовался, когда узнал добрую весть – жив Ваня Бабак! 24 апреля в районе Ноенберга его освободили из немецкого плена американцы. Как они, по-братски обнявшись, плакали от счастья у его "кобры" с надписью "За Ваню Бабака». И кто тогда мог предсказать, что их следующая встреча у именного самолета состоится почти через 50 лет, а всего 38 суток плена поломают Бабаку всю его жизнь...

9 мая восьмерка "беллочек" во главе с гвардии старшим лейтенантом Дольниковым после вылета в район Праги в 21 час 33 минуты совершила посадку на бетонку аэродрома "Гроссенхайн". Так

закончилась для Григория война, но преследовать она его будет еще очень долго.

МИРНОЕ НЕБО

Самыми страшными и тяжелыми в своей жизни Григорий Устинович считал, к удивлению многих, семь лет после войны – с 1946 по 1953 год. Мог ли он это предположить тогда, в победном сорок пятом? Нет, конечно. Поначалу все складывалось удачно – получил второй орден Красного Знамени, окончил двухмесячные курсы усовершенствования командного состава в Липецкой высшей офицерской летно-тактической школе, женился, родилась дочь Татьяна. Но вдруг он начал чувствовать, что тучи над такими, как он, побывавшими в плену, начали сгущаться. Один за другим они начали куда-то исчезать. В декабре 1945 года постучали и в его дверь: срочно, в 24 часа, рассчитаться с полком и убыть к новому месту службы. Многое ему пришлось передумать на пути из Австрии, где базировался полк, на самый север острова Сахалин, в Оху. Больше всего огорчало то, что не пожалели даже заболевшую двухмесячную дочку. Разве можно так с людьми?

Здесь, на Дальнем Востоке, ему предстояло с клеймом неблагонадежного служить на должности командира эскадрильи целых пять лет. Война закончилась, и время личностей прошло, вновь были востребованы безропотные исполнители. Среди самых преданных стране людей, многократно доказавших это на фронте, в очередной раз начался поиск изменников и предателей. В 1946 году арестовали и на семь лет бросили в тюрьму командующего ВВС Красной Армии дважды Героя Советского Союза главного маршала авиации Новикова, еще более трагично сложилась судьба начальника штаба ВВС маршала авиации Худякова – его расстреляли. Что уж тут говорить о каком-то Дольникове?

Пять лет, с 1945 по 1950 год, его каждый месяц вызывали "куда следует" и упорно "шили дело". Допросы длились по двое, трое суток. Били, травили овчаркой: "Кем завербован? Кто с тобой работал в абвере? Кого из агентов знаешь? С кем поддерживаешь связь?" Один из следователей-особистов опустил до того, что стал угрожать: "Сообщу всем родственникам: Дольников – агент абвера, предатель!"

Это о таких смершевцах ходил на фронте горький стишок: "Приволокли Героя в особенный отдел: что же ты, зараза, в самолете не сторел?" Рука Григория не раз тянулась к пистолету: хотелось покончить со всем этим кошмаром раз и навсегда. От самоубийства спасала мысль о семье, о любимой жене Валентине, доченьке Танюшке. Что будет с ними? И он продолжал терпеть издевательства и продолжал летать. Все на той же "аэрокобре" – надежнее в полетах над морем самолета не было. Затем на Ла-11. На этом истребителе он едва не погиб. Во время взлета обрезало мотор. Надо садиться на вынужденную,

но впереди сопки, море... Рискаю свалиться на крыло, он совершил невозможное – развернулся на предельно малой высоте и сел на полосу, с которой взлетел. Посмотреть на героя приехал легендарный земляк Григория – сам полковник Пстыго, будущий его командарм.

Вскоре до Дольникова дошла грустная весть: сломали Ваню Бабака, все же заставили написать рапорт на увольнение. Проверку в печально знаменитом фильтрационном лагере в Алкино он прошел, но допросы и издевательства не прекратились. Закончившего еще до войны педагогический институт перспективного офицера, летчика, имевшего на счету 40 сбитых самолетов, вышвырнули на улицу, как собаку. Не смог помочь и Покрышкин, который уже сам был в опале.

Что же делать? Вырваться с Сахалина и хоть на какое-то время уйти от закусивших удила "сыщиков" можно было только одним способом: поступить на учебу в академию. Но как? Писать рапорт по команде – бесполезно, те же "делопроизводители" его не пропустят. Благодаря им его и по службе не продвигают, и в звании не повышают, а тут – в академию... Помог случай. Перегоняя самолеты с Сахалина в Хабаровск, он узнал от товарища, что здесь работает выездная приемная комиссия Военно-воздушной академии. Обратился лично, рассказал все как на духу. Председатель комиссии оказался человеком не из робкого десятка, настоящим генералом-фронтовиком, и на свой страх и риск решил принять Дольникова. В Москву он мчался как на крыльях, но следом ехало и "дело"...

Учился в академии Дольников с удовольствием, учеба спорилась. Но каждый день он ожидал очередного "приглашения" на допрос. В 1953 году после смерти Сталина его вызвали на Лубянку. Удивило, что хозяин кабинета – полковник – встал и впервые предложил ему сесть. Показал пухлые тома его "дела", которые он собирался сжечь, извинился за необоснованные преследования и попросил все забыть. Забыть семь лет страха и унижений, безжалостно вычеркнутых из жизни постоянным ожиданием незаслуженной расправы?

В 1955 году, после успешного окончания академии, его назначили командиром истребительного авиаполка. Потом он командовал дивизией, затем корпусом. Звание полковник тоже получил досрочно. В 39 лет стал генерал-майором. Освоил реактивные истребители МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19, МиГ-21. Командующий 24-й воздушной армией Группы советских войск в Германии генерал-лейтенант авиации Иван Пстыго не случайно выдвинул Дольникова на ответственную должность командира 72-го истребительного авиакорпуса в Виттенберге. Корпус контролировал все воздушное пространство юга ГДР, где на границе с ФРГ было тогда очень неспокойно – в небе нередко шли настоящие воздушные бои с нарушавшими границу самолетами НАТО. Решительность Дольникова, его умение действовать смело и активно, без проволочек и многочасовых согласований, пришлись здесь как нельзя кстати.

Июль 1964 года Григорий Устинович всегда вспоминал с особой теплотой. Его не забыли и пригласили в Минск на торжества, посвященные 20-летию освобождения Белоруссии от фашистов. На аллее Дружбы, которая простирается вдоль улицы Янки Купалы, рядом с деревьями, посаженными маршалами Рокоссовским, Тимошенко, Баграмяном, Руденко, сегодня зеленеет и каштан генерал-майора авиации Дольникова.

В январе 1965 года было учреждено самое уважаемое в авиации звание – "Заслуженный военный летчик СССР". 21 августа летчик 1-го класса генерал-майор Дольников первым из белорусов удостоился этого звания, получил специальную Грамоту Президиума Верховного Совета СССР и нагрудный знак за № 6.

Дальнейшая его служба сложилась исключительно удачно. Пять лет он был первым заместителем командующего 5-й воздушной армией в Одессе, шесть лет возглавлял 34-ю воздушную армию Закавказского военного округа в Тбилиси, где пользовался огромным уважением руководителя Грузии Эдуарда Шеварднадзе и избирался кандидатом в члены ЦК компартии и депутатом Верховного Совета этой республики, был удостоен ордена "За службу Родине" III степени. С 1977 по 1981 год генерал-лейтенант Дольников – заместитель начальника Военно-воздушной академии им. Гагарина по учебной и научной работе. Заканчивал службу на высокой должности заместителя главнокомандующего ВВС по вузам – начальника вузов ВВС. В июле 1987 года кандидат исторических наук, Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Григорий Устинович Дольников ушел в отставку... Ушел на высокой ноте, сформировав в 1986 году тринадцатое (!) высшее военное училище летчиков – Уфимское вертолетное. Кроме них, в его епархии были тогда две академии, два высших авиационных училища штурманов, восемь высших инженерных, одно военно-политическое... Развал и разруха наступят уже после него, и сегодня об этих учебных заведениях остались одни воспоминания.

В ДАЛЕКОЙ АФРИКЕ

Эти страницы в биографии Дольникова долгие годы были под грифом "Секретно". Не все до конца рассекречено и сегодня.

В начале 1970 года в ответ на просьбы руководства Египта для защиты воздушного пространства этой страны от израильской авиации Министерство обороны СССР приступило к проведению совершенно секретной операции "Кавказ". Началась тайная переброска в эту страну советских частей ВВС и ПВО. Руководить истребительной авиацией было поручено первому заместителю командующего 5-й воздушной армией генерал-майору Дольникову, который через генерала Хосни Мубарака организовал взаимодействие с египетскими ВВС. Два истребительных полка, имевших в своем составе 70 истребителей МиГ-21 и 102 летчика,

приступили к боевому дежурству в апреле 1970 года. В апреле 1971 года генерал Дольников вернулся из Египта на родину. Судя по тому, что он получил повышение по службе – стал командующим 34-й воздушной армией и награжден высшей наградой СССР – орденом Ленина, поставленные перед ним задачи он выполнил успешно.

В 1977 году боевой опыт генерала Дольникова был вновь востребован. На Африканском Роге разразилась война между Сомали и Эфиопией. Сомалийцы, вчерашние союзники и друзья СССР, вторглись в эфиопскую провинцию Харэрге, позарившись на обширную территорию... пустыни Огаден. Советский Союз решил поддержать ставшую жертвой агрессии Эфиопию.

В ноябре 1977 года в Аддис-Абебу прибыла оперативная группа во главе с первым заместителем главкома сухопутных войск генералом Василием Петровым. Командовать действиями авиации и быть главным советником командующего ВВС Эфиопии полковника Фанты Беляйте доверили генерал-лейтенанту Дольникову. В рамках операции "Барракуда" советские военно-транспортные самолеты Ан-12, Ан-22, Ил-76 приступили к перевозке оружия и боевой техники. Куба направила в Эфиопию своих солдат и офицеров. На вооружение ВВС поступили 48 истребителей МиГ-21 бис, 2 МиГ-21Р, 10 вертолетов Ми-6, 18 Ми-8 и впервые шесть "дебютантов" – летающие боевые машины пехоты Ми-24. Кроме них, к бою с сомалийцами готовились истребители МиГ-17Ф и F-5. Большинство летчиков были кубинцами, на F-5 летали эфиопы и израильтяне. Аэродромно-техническое обеспечение возложили на советских специалистов.

Основным аэродромом эфиопских ВВС стал Дыре-Дауа, где и разместился командный пункт генерала Дольникова. После тщательной воздушной (летали кубинцы на МиГ-21Р) и космической (использовался спутник-шпион "Космос") разведки Дольников лично разработал операцию, имевшую цель уничтожить сомалийскую авиацию на ее аэродромах. 8 января 1978 года эфиопская авиация нанесла первый ощутимый удар по врагу.

24 января, отразив очередную атаку сомалийцев, эфиопская армия перешла в решительное контрнаступление. В начале февраля агрессор, понесший огромные потери, начал отступать. В небе полностью господствовала авиация Эфиопии, которую Дольников применял умело и решительно. Чего стоит только один десант, неожиданно высаженный с вертолетов Ми-6 и Ми-8 в тылу у сомалийцев. Или удар из засады винтокрылых штурмовиков Ми-24.

21 февраля на командный пункт ВВС, где вместе с эфиопскими офицерами Дольников работал над картой боевых действий, прибыл генерал армии Петров и, прервав на полуслове пытавшегося доложить ему Григория Устиновича, торжественно произнес: "Указом Президиума Верховного Совета СССР за личное мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, высокие результаты в боевой подготовке войск,

освоении сложной боевой техники генерал-лейтенанту Дольникову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда". Комок подкатил к горлу: высокая награда через 33 года, но все же нашла его. И где – на войне, в далекой Эфиопии.

А вот интересно, что чувствовали люди с "горячим сердцем и чистыми руками", когда видели на страницах газет и по телевизору "агента абвера" Героя Советского Союза генерал-полковника Дольникова, над которым они в свое время вволю произдевались? Среди летчиков ходила такая легенда, что однажды Дольников случайно встретил одного из них. Выхватил из кобуры пистолет (а были времена, когда офицерам доверяли и разрешали носить боевое оружие при себе) – и за ним. Тот – наутек! Дольников видит: не догнать, приткий "чекист" оказался. Вскинул он тогда ТТ и выстрелил. Пуля попала беглецу-рекордсмену аккурат в мягкое место. Жаловаться на Григория "подстреленыш" не стал, видимо, все-таки чувствовал свою вину, а может, просто от радости, что остался жив. Не знаю, может быть, это и байка, но хочется, чтобы все так и было.

13 марта эфиопские войска вышли к границе Сомали, а еще через три дня вся территория Огадена, оккупированная сомалийцами, была освобождена. Авиация незадачливого агрессора потеряла в боях 23 самолета. В начале мая Дольников вернулся со своей третьей, последней для него войны, вернулся с победой.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Невзирая на должности, звания, награды, всю свою жизнь Григорий Устинович оставался все тем же летчиком-истребителем "Горачим" из 100-го гвардейского полка 9-й гвардейской дивизии. Всегда и везде он старался сделать все, чтобы жила память о его друзьях-однополчанах и их боевых делах. Будучи заместителем командующего воздушной армией в Одессе, он часто навещал аэродром "Мартыновка" под Вознесенском, где базировался 642-й гвардейский авиаполк. В соседнем селе располагался лагерь, из которого в 1944 году ему удалось бежать от немцев. Во время одного из выступлений перед местными жителями состоялась неожиданная и тронувшая его до слез встреча с той самой девушкой – Надеждой Артеменко, которая привела его к партизанам. Нередко видели генерала и в соседнем Ястребиново, где жил спрятавший его от немцев Степан Чернобай.

В Грузии, в гарнизоне Вазиани, Дольников лично занимался аллеей летчиков-героев, где были установлены бюсты Покрышкина, Бабака, Гучка, братьев Глинка... В Батайске открыл стелу, посвященную летчикам-героям. На здании аэропорта в Беслане не без его участия появилась мемориальная доска в честь его родного 45-го (100-го гвардейского) истребительного полка, а на аэродроме "Кшива" в Польше – памятник-обелиск 9-й гвардейской дивизии Александра Покрышкина. Для родных Горок он "выбил" самолет Ил-12Д, который в

память о летчиках установили в городском парке. Где он сейчас? Увы, не сберегли...

В 1967 году в Москве состоялась первая встреча ветеранов 9-й гвардейской дивизии. С тех пор Григорий Устинович – самый активный участник и организатор этих мероприятий. И не ради праздных посиделок. Его неравнодушное, отзывчивое сердце переполняла неутолимая жажда творить добро. Защитить обиженного, добиться жилья для мыкающегося по углам, помочь с лечением, вернуть заслуженную, но не врученную боевую награду – в этом Дольникову не было равных.

В его многолетних сражениях с бюрократами было немало побед: в 1991 году наконец-то присвоили звание Героя Советского Союза командиру полка Владимиру Боброву, сбившему 34 немецких самолета (увы – посмертно, он умер в 1970 году), в 1996-м, за два года до своей кончины, стал Героем России штурман 100-го гвардейского полка Михаил Петров...

До конца своей жизни Григорий Устинович остался верен искренней, трогательной, по-настоящему братской дружбе с Героем Советского Союза Иваном Бабаком, ставшим известным на Украине учителем, удостоенным за работу с детьми медали "За трудовую доблесть" и знака "Отличник народного образования". В сентябре 1993 года в Москве на первом московском авиасалоне "МАКС-93" в Жуковском состоялась их последняя встреча со знаменитой именной "аэрокоброй", на которой летал Бабак и заканчивал войну Дольников. Как известно, ни одной воевавшей в составе советских ВВС "аэрокобры" не сохранилось. Группа энтузиастов-конструкторов решила сделать копию этого самолета. За образец взяли Р-39N с заводским номером 28033 и бортовым 01 – тот самый, на котором Григорий Устинович в победном 1945-м начертал: "За Петю Гучка" и "За Ваню Бабака".

Самолет вызвал на выставке огромный интерес, особенно у детей. Одного только не могли понять облепившие "аэрокобру" вездесущие ребятишки: почему плачут у их самолета эти двое крепко обнявшихся пожилых мужчин с Золотыми Звездами на пиджаках...

И где сейчас эта легендарная "кобра"? Ни слуху о ней, ни духу. Вот бы отыскать ее – и к нам в Минск в музей!

Как настоящий советский человек и истинный патриот Григорий Устинович очень тяжело переживал гибель СССР. Это сказалось на его здоровье, но напоказ свои болячки он никогда не выставлял. Известный в свое время чемпион Военно-воздушной академии по штанге в полусреднем весе Григорий Устинович Дольников продолжал в меру сил держать твердый шаг в ветеранском строю. 28 апреля 1995 года одним из первых он был награжден орденом "За заслуги перед Отечеством" IV степени. Этот орден на тот момент – высшая награда России. А через несколько дней на параде в честь 50-летия Победы он, вытянувшись в струнку, в последний раз прошел в колонне ветеранов

по Красной площади. 23 марта 1996 года человек-легенда ушел от нас навсегда.

Мало что напоминает о Григории Устиновиче на его родине – в Беларуси. В его честь не названы улицы, не установлены памятники, не открыты мемориальные доски. Очень огорчился, когда узнал, что в солидной энциклопедии "Города и деревни Беларуси", изданной в 2008 году, как написано – "на основе новейших архивных источников", в разделе, посвященном Горецкому району Могилевской области, Дольникова не оказалось. Здесь есть и фотографии, и упоминания о заслуженных уроженцах горецкой земли – маршале Якубовском, генералах Люхтикове, Глушенкове, Кузнецове, Кидалинском. Теряюсь в догадках, чем же не угодил издателям прославивший местную Сахаровку на весь мир Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Дольников?

Есть у белорусских железнодорожников хорошая традиция – присваивать локомотивам имена заслуженных людей. Как было бы здорово, если бы они вспомнили своего знаменитого коллегу, начинавшего трудовую биографию слесарем-ремонтником пассажирских вагонов, и назвали, к примеру, электровоз именем "Григорий Дольников"! Вот это была бы настоящая живая память о нашем легендарном земляке.

Качук, Н. Судьба человека / Николай Качук // Советская Белоруссия. — 2013. — 8, 10 мая. — С. 8—9.